
ПОГРАНИЧЬЕ

УДК 94(47).04

**ЖИВАЯ ГРАНИЦА:
КАЗАЧЬИ МАНЕВРЫ В ПРОСТРАНСТВЕ КОЛОНИЗАЦИИ
(РУБЕЖ XVI–XVII ВВ.)**

А. В. Головнёв

A. V. Golovnev

¹⁾ Институт истории и археологии
Уральского отделения РАН

¹⁾ Institute of History and Archaeology,
Russian Academy Sciences
(Ural Branch)

²⁾ Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет

²⁾ Belgorod National
Research University

Аннотация. Казаки олицетворяли «живую границу» на южнорусской Украине, маневрируя между Московским царством, Речью Посполитой, Крымским ханством и Ногайской ордой. В Поле, где сталкивались вольные и служилые казаки, русская военная колонизация продвигалась на юг вдоль татарских дорог (*сакм*) как «экспансия обороны» силами казачьих станиц, сторож и острогов. В Смуту начала XVII в. экспансия казаков повернула вспять, и «живая граница» захлестнула столицу. Выдвигая и поддерживая самозванцев, казаки за семь лет (1605–1611 гг.) разрушили и подчинили Московское царство. Они же сыграли ключевую роль в избрании Романова на царство, но тут же произошла статусная метаморфоза – присягнув своему избраннику, вольные казаки оказались на государственной службе.

Ключевые слова: казаки, граница, колонизация, самозванство, Московское царство, Украина, Крым.

E-mail: andrei_golovnev[at]bk.ru

Copyright: © 2015 Головнёв. Данная статья публикуется онлайн в сетевом научном журнале открытого доступа "Tractus aevorum" на условиях лицензии Creative Commons Attribution License, которая позволяет другим распространять эту работу с обязательным указанием ссылок на ее автора и оригинальную публикацию.

**A MOBILE BORDER:
COSSACK MANEUVERS IN THE CONTEXT OF COLONIZATION
(THE LATE 16TH TO THE EARLY 17TH CENTURY)**

Abstract. The Cossacks personified a "mobile border" in the southern Russian periphery (*ukraina*), one that maneuvered between the Muscovite state, the Polish-Lithuanian Commonwealth, the Crimean Khanate, and the Nogai Horde. In the Field (*Pole*), where free and servant (*sluzhilye*) Cossacks came into contact, Russian military colonization moved south along Tatar routes (*sakma*) as part of an "expansion of defense" waged by Cossack bands, cordons, and fortresses. In the Time of Troubles in the early seventeenth century, the Cossacks turned their expansion back toward Moscow, and the "mobile border" struck the capital. By sponsoring and supporting false tsars, Cossacks both disrupted and compelled the Muscovite state from 1605 to 1611. They played a key role in Michael Romanov's election though a remarkable status reversal immediately occurred as a result: by swearing an oath to Romanov, the free Cossacks found themselves in the tsar's service.

Keywords: Cossacks, border, colonization, false tsar, Moscow Tsardom, *ukraina*, Crimea.

В русском языке до сих пор сохраняется старый смысл слова «казачить» – жить и служить на стороне; например, у поморов «пойти в казаки» означает отправиться на отхожий промысел, что не исключает подневольного состояния. В XVI–XVII вв. казаками назывались разбойники украины, татары на русской службе, бездомные работники, беглые рабы, странники; на Поле казачество подразумевало вольницу и своеволие, при этом одних казаков называли «воровскими», других «служилыми», а на самом деле их роли чередовались. С петровских времен казаки составили регулярное войско и стали верными слугами государя, нередко выполняя полицейские функции. Как видно, диапазон занятий казаков впечатляюще обширен, что подразумевает высокую мобильность и адаптивность. Казачий быт включает не только походы и разбой, но и массу мер и дел по обеспечению безопасности, оперативному обмену информацией, добыванию средств к существо-

ванию, а временами и процветанию. Способность казаков к разнообразным самостоятельным и решительным действиям, выработанная в турбулентном пограничье, стала эффективным инструментом российской колонизации.

Татарский след

Тюркское слово *казак* первоначально имело смысл «отделившийся или одичавший конь» (Благова 1970, 144–145). Кыпчакский глагол *казакла* (скитаться, жить вольно, казаковать) обозначал «временное состояние отколовшегося от своего рода удальца, жившего военным бытом в степи» под началом атамана – «организатора набегов на ближних соседей и походов в дальние страны» (Кляшторный, Савинов 2005, 58). «Казаковать» могли и ханы, проигравшие борьбу за власть и лишившиеся своих улусов; на долю многих ханов и султанов выпадали «дни казачества».

Первые упоминания казаков в половецком словаре «Codex Cumanicus» (1303 г.) и «Сугдейском синаксари» (1308 г.) характеризуют их как «стражей». В XIV–XV вв. среди казаков (сторожевых войск) Каффы и Таны в Крыму значились армяне и тюрки, тогда как русские казаки появились позднее (Карпов 2012). «Ордынскими казаками» именовали в XV в. татар, кочевавших независимо от ханов и совершавших самостоятельные набеги на московские владения (Горский 2005, 180). Казаки (вероятно, татары) упоминаются в Крымской орде с 1474 г., в Волжской – с 1492 г., в Казанском царстве – с 1491 г., в Астраханском царстве – с 1502 г., в Азове – с 1499 г. (Сухоруков 1903, 3). «У татар под именем козаков разумелся третий, самый низший отдел войска, состоявшего из уланов, князей и козаков» (Соловьев 1989, 305).

Со времен Н. М. Карамзина и И. Н. Болтина принято считать, что Русь заимствовала слово *казак* у ордынских баскаков, ездивших по «Русскому улусу» с охраной из казаков. Татарские корни обнаруживает казачья военная лексика: *атаман* (предводитель), *есаул* (помощник атамана), *караул* (охрана), *ертаул* (разведывательный отряд), *сеунч* (известие о победе) и др. Впервые на Руси казаки упоминаются в 1444 г., когда они вместе с княжескими войсками прогнали от Рязани татарского султана Мустафу. Этими казаками могли быть татары из окружения султана Касима – в Московском княжестве «городецкие казаки» состояли при касимовских царевичах. В XV в. казаки упоминаются все чаще, в том числе на службе у татарской знати (например, у Сатылгана, сына крымского хана Менгли-Гирея).

Донских казаков Н. М. Карамзин представлял как «людей, говорящих нашим языком, исповедующих нашу веру, а в лице своем представляющих смесь европейских с азиатскими чертами» (2003, кн. 2, 149–150). В числе их атаманов были татары, что вполне вписывается в традицию татарско-русского ордызма (см.: Головнёв 2009, 10–13).

Например, ногайский князь Юсуф в послании 1549 г. Ивану IV упоминал Сарыязмана: «Холопи твои, некто Сарыязман словет, на Дону в трех и в четырех местах городы поделали, да наших послов и людей наших, которые ходят к тебе и назад, стерегут, да забирают, иных до смерти бьют... Этого же году люди наши, исторговав в Руси, назад шли, и на Воронеже твои люди – Сарыязманом зовут – разбойник твой пришел и взял их». Татары входили в состав донского казачества и позднее. Например, в 1589 г. крещеный крымский татарин выехал на Дон и служил там государю московскому 15 лет: «...крымских людей грамливал и на крымских людей и на улусы на крымские воевать с казаками донскими хаживал, а с Дону в Путивль пришел» (Ключевский 1988, 100).

Парадокс состоит в том, что русская граница против татар возводилась самими татарами. При этом одни татары (ордынские, крымские) к обороне побуждали, а другие (московские, касимовские) эту оборону осуществляли. Первая заградительная черта по Оке была создана татарскими царевичами при Василии Темном и дополнилась регулярной конной разведкой (*ертаул*) при Василии III. Изначально по своей технологии она была мобильной и конной, что выразилось в облике пограничного казачества. Казаки представляли собой «живую границу», которую они охраняли, населяли, пересекали, нарушали, олицетворяли. Степное пограничье было столь обширным и политически напряженным, что в нем эпизодически возникали самостоятельные политии (орды, княжества, сечи). В какой-то мере эти пограничные сообщества копировали устои окружающих держав и смешанно использовали их в своей практике.

Основным фактором становления московских границ на юге был Крым, терзавший набегами Московское царство и одновременно поощрявший его независимую политику.¹ Во многом именно Крым создал Поле как обширное и тревожное порубежье, и именно в противоборстве с Крымом выросла «живая граница» России – казачество. В XVI в. крымские татары с промысловой регулярностью совершали набеги на Московию, считая степь и лесостепь между Днепром и Доном своими летними кочевьями. Защита от татар обеспечивалась разведкой на шляхах, прежде всего на Муравском шляхе, ведущем от крымского Перекопа до Тулы. Рост и движение «живой границы» просматривается в тактике обороны Москвы от ордынских набегов.

Пограничные станицы (разъезды) и сторожи (заставы), несшие дозор у татарских шляхов XVI в., состояли из казаков и служилых людей. Они стерегли *гряды* (степные водоразделы), дороги, речные пере-

---

¹ По наблюдениям Н. М. Карамзина, дружба Ивана III с крымским ханом Менгли-Гиреем, «ускорив гибель Большой, или Золотой, Орды и развлекая силы Польши, явно способствовала величию России» (Карамзин 2003, кн. 1, 693).

правы, а также совершали рейды в степь и захватывали «языков» (Любавский 1996, 297). Чем глубже была казачья разведка, тем тревожней для татар становились их собственные набеги: умелая разведка могла обратить их облаву в облаву на них – это единственное, что всерьез пугало кочевников.

В отличие от кочующей орды, выпускающей вокруг себя летучие дозоры, русская организация войны и обороны крепилась к территории, и русские дозоры нуждались в опорных крепостях. Каждый новый острог с сетью станиц и сторож – шаг усиления обороны, и последовательное продвижение острогов по шляхам навстречу татарам было поступью военной колонизации. Разведывательные дозоры готовили «почву» для нового острога, который становился форпостом обороны и опорой для движения дальше по шляху. В середине XVI в. поступь военно-оборонительной колонизации обозначилась на верхней Оке по Муравскому шляху крепостями Дедилов (1553), Болхов (1556) и Орел (1566), в верховьях Дона по Ногайскому шляху – крепостями Шацк (1553) и Данков (1563). Первое время поставленный на новом месте острог представлял собой военный лагерь, укрепленный тыном, валом и рвом. Через несколько лет, после подчинения окрестностей, острог перестраивали в рубленый город. Гарнизонем острога командовал голова, города – воевода. А. И. Папков проследил эту последовательность по синхронным событиям на Поле и в Сибири 1590-х годов (2004, 81).

Таким образом, первоначально русская колонизация южного побережья имела оборонительные мотивы. Эта тактика наращивания обороны во многом была стихийной, поскольку каждый новый форпост для собственной защиты тут же выпускал перед собой мобильные станицы и сторожи. В свою очередь аванпосты, контролируя новый участок Поля, отыскивали удобные позиции для следующего опорного стана, где они закреплялись и готовили место для острога. Так, по мере продвижения навстречу неприятелю станиц, сторож и острогов происходила военная (преимущественно казачья) колонизация Поля. Шаг за шагом вслед за подвижной разведкой граница ползла на юг, а ширящийся тыл укреплялся слободами.

Впрочем, расширение границ Московии не было произвольной «экспансией обороны». Уже Иван III претендовал на возвращение в свою отчину всех владений Рюриковичей, включая новгородские и литовские земли, а Иван IV счел себя наследником царского (ханского) права на татарские владения. Казаки как живая граница чутко реагировали на состояние и настроение державы, то отстраняясь от нее, то охраняя ее, то прокладывая ей дорогу.

Шаткая Украина

После монгольского завоевания картина мира перевернулась – южная окраина Руси стала северной окраиной Орды. Пограничье сте-

пи и леса осталось краем, но уже другой метрополии. В ордынскую эпоху эта украинна была владением татар и пастбищем их табунов с вкраплениями земледельческих житниц (например, Болоховской земли), поставлявших провизию в Орду. С развалом ханства украинна оказалась территорией соперничества и раздора, на которую в той или иной мере претендовали, помимо кочевых орд, Литва, Москва, Польша, Венгрия, Молдавия. Окружающие державы пытались включить южнорусскую украинну в орбиту своего влияния, и она представляла собой не самостоятельную страну, а поле конкурентных стратегий и перекрестной колонизации.

По существу южнорусская украинна была схождением окраин соседних государств, и многообразие окраинных (украинских) сообществ обусловлено именно их внешней привязкой. Например, Галиция была преимущественно литовско-польской областью, Закарпатье – венгерской (так называемая Венгерская Украина), Буджак – турецкой (запорожцы Буджака до 1808 г. служили Турции), Слобожанщина – русской (хотя и с весомой долей черкасов). В 1546 г. воевода Путивля кн. Михайло Троекуров извещал великого князя: «Ныне, государь, казаков на Поле много и черкасцов, и киян, и твоих государевых, вышли, государь, на Поле из всех украин» (Цит. по: Сухоруков 1903, 3). По составу казаков угадывается доминирование того или иного государства в Поле: в XV в. преобладали казаки-татары, в XVI в. их потеснили украинские (литовские) и русские (московские) казаки. Географически среди казачества, заполнившего с упадком Орды степи между Карпатами и Алтаем, обособляются три области разного этнического облика: (1) русская на Дону; (2) украинская на Днепре; (3) тюркская в Крыму, Приазовье, Кыпчакской степи и Мавераннахре. В первой сформировалось российское казачество, во второй – запорожское и украинское, в третьей (между Балхашом и Аралом) – казахи. В состав терских и гребенских казаков, появившихся в конце XVI в., влились кабардинцы, чеченцы, кумыки, ногайцы, грузины, армяне, черкесы (см.: Благова 1970; Аверин 2003, 118–119).

Казачье сообщество лишь извне выглядело монолитным, а изнутри представляло собой котел разных нравов, интересов и затей. Будучи в своих истоках изгойской и протестной, казачья вольница кишела конфликтами. Находясь на пограничье, казаки и во внешних действиях ориентировались на конфликты, вникая в противоречия и интриги соседних держав, принимая то одну позицию, то другую, то несколько кряду. Эта турбулентность обусловила своеобразную пограничную ментальность, в которой маневр преобладал над постоянством. Казаки могли служить нескольким правителям сразу, легко меняя союзников и противников, и в этом выражалась не шаткость взглядов, а образ пограничной жизни.

В последние десятилетия XVI в. россияне и украинцы, по словам А. И. Папкова, «столкнулись на Поле как подданные враждующих госу-

дарств». Эти два потока колонизации Поля, русский и украинский, различались тем, что «русская колонизация была преимущественно правительственной, опиравшейся на строящиеся государством города-крепости и формировавшиеся в регионе вооруженные силы», тогда как украинская была стихийной, отчасти поддерживаемой польскими землевладельцами, а государство лишь не препятствовало переселению черкас (Папков 2004, 91, 109).

В остальном нравы и действия русских и украинских казаков скорее дополняли друг друга, чем различались. Это относится и к особому промыслу, каковым для казаков был наем к правителям соседних стран, в том числе Москвы, Речи Посполитой, Турции, Крыма и Ногаев. Эта служба давала заработок и позволяла пользоваться именем того или иного царя для собственных разбоев и захватов, что было очень удобно. При этом казаки создавали своего рода кругооборот угроз, выступая одновременно их носителями и гасителями – одна часть казаков разбойничала в степях Днепра, Дона, Яика и числилась «воровской», а другая значилась «служилой» и ловила разбойников.

В порубежной московской колонизации воины-разбойники занимались «вспашкой» чужих границ, после чего государевы люди обустроивали там свой порядок, перебрасывая или вытесняя казаков и черкас на отдаленные «целинные» границы (например, в Сибирь). Московское царство использовало казаков для терзания чужих границ, при этом оправдываясь непричастностью к их разбоям и сохраняя видимость добрососедства с Портой, Крымским ханством, Ногайской ордой.

Авантюризм, удаль, маневренность и маргинальность «окраинных людей» в совокупности давали мощный импульс колонизации. Казаки, даже будучи изгоями и бунтарями, были своеобразным порождением державы и сохраняли с нею связь. Чем больше изгоев выталкивало государство, тем шире становилось осваиваемое ими порубежье. Переходя границы, «лишние люди» открывали путь следовавшему за ними государству. Таким образом внутренняя напряженность в стране подгоняла внешнюю экспансию. При этом возникала и другая зависимость – разрастающаяся окраина несла в себе заряд смуты.

Стихия Смуты

К XVII в. казачья Украина, опоясавшая Московию со всех сторон, представляла собой не только живую, но и разбухшую границу. Вольница Днепра, Дона, Волги и Яика заметно расширила географию своих набегов. В 1580-е гг. волжские и яицкие казаки теснили Ногайскую орду (и в 1584 г. основали г. Уральск), часть донских казаков перешла на Терек, образовав Терское войско, часть волжских – на Урал к Строгановым, а затем в Сибирь. На южнорусской Украине вольница образовала мощный казачий пояс, связанный степными дорогами, в том числе Гетманским шляхом между Днепром и Доном.

При Борисе Годунове казакам запрещалось появляться в русских городах, особенно в Москве, а нарушивших «заповедь» ждала тюрьма (Сухоруков 1903, 64; Станиславский 1990, 16). От казачества исходила угроза как врагам державы, так и самой державе. На Поле сложились самостийные квази-политии (запорожцы, донцы), приобретшие опыт набегов на соседние страны и ощутившие «запах власти». Казаков Днепра, Дона и Урала сближало с Московией и друг с другом православие, однако они отделяли себя от московитов и не гнушались грабежом русских селений и православных монастырей.

Окраинная воля подразумевала свободу маневра, в том числе политического. Казаки набрались опыта в попеременной или даже одновременной службе Москве, Польше, Турции, Орде. Противопоставляя себя государству, они научились играть с властью и во власть. Впрочем, и игру во власть они расценивали как своего рода промысел, исполненный азарта и удали. Не случайно именно казаки стали главными игроками в самозванство.

Историки давно обратили внимание на особую роль казаков в выдвижении и поддержке самозванцев. По словам А. Л. Станиславского, «одной из самых активных сословных групп, принимавших участие в социальной борьбе “Смутного времени”, было казачество» (1990, 2). Р. Г. Скрынников отметил «значимость участия запорожских казаков в начальном этапе похода Лжедмитрия на Москву» (1997, 389–400). По наблюдениям А. И. Папкова, «население окраины поддержало самозванца»; «черкасы, как правило, выступали в качестве воинов Самозванца или Речи Посполитой» (2004, 111–114, 129). По заключению И. О. Тюменцева, «у истоков самозванческой интриги на Северо-Западе страны, как и на Юго-Западе и Юге, стояли местные казаки»; «Лжедмитрий III, так же, как Лжепетр, Лжедмитрий II и др., являлся типичным “казацким самозванцем”» (2010, 120–121). Решительнее всех о связи самозванства и казачества высказался венгерский русист Д. Свак: «Я утверждаю, что явление самозванчества не только поддерживалось казаками в ходе его функционирования, но и могло быть в определяющей степени казацким изобретением в момент его возникновения... Определяющую часть социальной базы самозванцев неизменно составляли казаки, которые и сами охотно выставляли лжецаревичей... Казаки нуждались в самозванцах... и не боялись выдвигать их из собственных рядов» (2010, 47–52).

Самозванство принято считать историческим курьезом и болезненной реакцией народа Московии на тиранию Ивана Грозного. К. В. Чистов видел в нем исполнение народной утопии – мифа о возвращении царя-избавителя (1967, 29). Однако можно разглядеть в нем и промысел окраинных людей. Если московский люд был склонен к вере в абсурд, то нашелся и генератор абсурда, превративший идею призраков-царей в технологию.

Будущий Лжедмитрий I после побега из столицы был с восторгом встречен на Украине. Самозванец до тех пор безуспешно искал поддержки у главы польской православной партии кн. К. Острожского, а затем у вождя ариан пана Г. Гойского, пока не обзавелся связями среди запорожцев и донцов. Именно казаки узрели в Григории Отрепьеве «красно солнышко» и вернувшегося, подобно воскресшему Христу, истинного царя. В походе на Москву войско Лжедмитрия прирастало казаками (под Севском к нему примкнул 12-тысячный отряд донцов). В критической ситуации поражения от московского войска, когда самозванец укрылся за стенами Путивля, именно запорожцы и донцы удержали его от бегства в Польшу. Правда, в Москву Лжедмитрий въехал со свитой бояр и поляков, наградив и отпустив казаков восвояси (задержавшиеся казаки «раздражали москвитян» своей заносчивостью, «оказывали им явное презрение и называли в ругательство жидами»)².

«Император Димитрий» (Demetreus Imperator) не забыл заслуг Украины и отменил на десятилетие налоги на юге России (чем вызвал ропот в других областях Московии). Казаки на свой лад опекали самозванца, позаботившись о его семье – они произвели на свет царского «племянника» Петра (никогда не существовавшего сына Федора Ивановича)³. Лжепетр был не столько самозванцем, сколько избранником казачьего круга. На роль псевдо-царевича атаман терских казаков Федор Бодырин присмотрел двух молодых казаков-чур (служек)⁴ – сына муромского посадского Илейку и сына астраханского стрельца Митьку. Выбор войскового круга пал на Илейку Муромца, поскольку он бывал в Москве и, по случаю, обладал былинным прозвищем. До прихода на Терек Илейка был беглым холопом Коровиным, звался незаконнорожденным сиротой, кашеварил на торговых судах, торговал яблоками и обувью на астраханском базаре. Шалость атамана Бодырина, судя по допросам, объясняется намерением вытребовать казацкое жалованье, положенное милостивым царем и задержанное злыми боярами: «И стало де на Терке меж козаков такие слова: “Государь де нас хотел пожаловати, да лихи де бояре, переводят де жалованье бояре, да не дадут жалованья”» (Перри 2010, 69). Войсковой круг известил Лжедмитрия I о «племяннике Петре», получив в ответ приказ «племяннику» и его товарищам «итти к Москве наспех». В пути, под Свияжском, казаков настигла весть об убийстве самозванца в Москве 17 мая 1606 г. (сам Лжепетр уверял, что он прибыл в Москву на следующий день после гибели Лжедмитрия, 18 марта).

---

² Сухоруков 1903, 68; Станиславский 1990, 20.

³ По версии терских казаков, у царя Федора и царицы Ирины родился сын Петр, которого при рождении подменили дочерью Феодосией (см.: Сухоруков 1903, 68).

⁴ Слово *чура* заимствовано казаками из татарского языка в значении «слуга», «младший товарищ» (Станиславский 1990, 8).

В замысле атамана Бодырина прослеживается мотив похода на Москву «за данью». Судя по всему, дело было даже не в задержанном жалованье (хотя казаки «беспрестанно» его требовали), а в претензии на участие в управлении делами и богатствами Московии. Лжедмитрий, обязанный казакам своим воцарением, оставил их на обочине, увлекшись отношениями с московской знатью и поляками. Царевич Петр понадобился казакам, чтобы напомнить царю Дмитрию о его «родственных» обязательствах и получить доступ к Москве.

Со смертью Лжедмитрия Илейка-Петр вновь стал сиротой. Прежний сценарий был исчерпан, перехватившая московскую власть группировка Шуйских на все лады кляла самозванца, атаман Бодырин остался не у дел, и Лжепетра подобрали новые заговорщики, на этот раз «воровские бояре», составившие оппозицию Василию Шуйскому. Воевода Путивля кн. Григорий Шаховской распустил слух, что царь Дмитрий спасся, пригрозил Лжепетра и впустил в город примчавшихся на подмогу терских и волжских казаков. В Путивле же началось формирование войска Ивана Болотникова, а в Польше шел поиск очередного исполнителя роли царя Дмитрия.

Тем временем казачья вольница плодила новых лжецаревичей. Летом 1606 г. в Астрахани объявились сразу три «царевича» – Иван Август, Лавр и Осиновик, а к весне 1607 г. их число выросло до дюжины (в донских, волжских, терских и запорожских станицах объявились «царевичи» Федор, Клементий, Савелий, Семен, Василий, Ерошка, Гаврилка, Мартынка). Возможно, «детей и внуков» Ивана Грозного было еще больше, поскольку самозванство вошло у казаков в моду. «Фальшивоцарствие» той поры было для казаков не только забавой, но и новым промыслом – теперь станичники совершали грабительские походы именем царя. Кроме того, казачье «многоцарствие» стало идеологией превосходства вольницы над царством, и по сути казаки претендовали не на «легитимацию» лжецаревичей, как полагают законопослушные историки, а на установление права Дикого поля в обеззаконенной Московии.

Донской атаман Иван Заруцкий, инсценировав присягу Путивля (с участием стародубцев) очередному самозванцу, сопровождал Лжедмитрия II до Москвы (в Тушино). Ценой этого казачьего триумфа «было то, что польско-литовские и казацкие разбойничьи банды практически разделили империю между собой» (Свак 2010, 44). К «дяде» поспешили присоединиться казацкие «царевичи» (Федор, затем Иван Август и Лаврентий), которых он сначала приветил, а затем «велел бить кнутом», «пометать в тюрьму» и казнить (позднее та же участь постигла еще семерых окраинных самозванцев). Гетман кн. Роман Рожинский разоблачил и казнил «царевичей», а их отряды передавал казацким воеводам Ивану Заруцкому и Александру Лисовскому.

К концу своего правления Лжедмитрий II уже почти полностью опирался на казачество, чиня расправу над пленными поляками, кото-

рых по казацкому обычаю топили в мешках – «в куль да в воду». При этом казаки рассеялись по всей Московии, получая от самозванца «в корм» села и города. Известно, что в октябре 1608 г. атаман К. Миляев собирал вино с дворцовых сел под Переяславлем; в январе 1609 г. «Володимер отдан на корм казакам»; в 1611 г. многие кабаки в Рязанском уезде находились на откупе у казаков, а Соловецкий монастырь принял на службу 70 «ратных казаков» во главе с двумя атаманами (Станиславский 1990, 27, 30, 47, 82).

Вскоре после гибели Лжедмитрия II объявился Лжедмитрий III – «Псковский вор» – уже на севере России, но по тому же казацкому сценарию. «Новую прелесть» затеял казак (или сын дьякона, связавшийся с казаками) Сидорка, торговавший в Великом Новгороде ножами, а весной 1611 г. въехавший в город с «сотней конных товарищей по беспутству», «таких же, как сам, разбойников и проходимцев», и объявивший себя в очередной раз «чудом спасшимся царем Дмитрием». Новгородцы отнеслись к чуду прохладно, и отряд «новгородского казачья» подался в Ивангород, где «был принят с праздничным салютом и многодневными торжествами» (Тюменцев 2010, 119–120).

Таким образом, за семь лет (1605–1611 гг.) вольные казаки покорили Московию, выдвигая самозванцев и подчиняя им страну. На время Смуты казачий Дон обезлюдел – все ушли на Москву. Как отмечал М. К. Любавский, донская вольница «хлынула в Московское государство, коль скоро там разложилась верховная власть и началась Смута. Казаки разбрелись по внутренним областям государства, и Дон... опустел» (1996, 314). Выдвигая и поддерживая лжецарей и лжецаревичей, казаки шагали по Московии: с Лжедмитрием I они укрепились в Путивле, с Лжепетром продвинулись до Тулы, с Лжедмитрием II вошли в Москву, с Лжедмитрием III достигли Пскова.

Возвращение на окраину

Романовы своим возвышением обязаны Смуте – Филарет стал митрополитом (Ростовским) при Лжедмитрии I, а патриархом – при Лжедмитрии II. С. Ф. Платонов не исключал, что Филарет Романов с братией и свояками не чужд был интриги самозванства, и недаром в свое время Г. Отрепьев «жил у Романовых во дворе» (1910, 233–234). «Тушинский патриарх» возглавлял посольство, предложившее Московское царство католику Владиславу, а сын Филарета, Михаил Романов, в числе других бояр присягнул «царю Владиславу».

Избрание Михаила на царство стало очередным триумфом казачества. Именно казаки, окружившие в то время Москву таборами, отвергли претендентов монарших кровей – польского королевича Владислава (уже провозглашенного русским царем) и шведского герцога Карла Филиппа (за которого ратовал кн. Пожарский). После убийства Прокопия Ляпунова 22 июля 1611 г. казацкие таборы овладели Моск-

вой. Накануне Земского собора их в Москве было значительно больше, чем дворян (свыше 10 тысяч): «И жохаху казаки в Москве толпами», – свидетельствует «Повесть о Земском соборе 1613 г.». В день избрания, 21 февраля 1613 г., казаки устроили в Москве «майdan» и, ворвавшись в зал Собора, настояли на избрании Михаила: «...казаки и чернь не отходили от Кремля, пока дума и земские чины в тот же день не присягнули». 13 апреля 1613 г. шведские лазутчики сообщали из Москвы, что казаки избрали Михаила Романова против воли бояр, принудив Трубецкого и Пожарского дать согласие на эту кандидатуру после осады их дворов. Жак Маржерет в 1613 г. писал английскому королю Якову I, что казаки выбрали «этого ребенка», чтобы манипулировать им, и что большая часть русского общества с радостью встретит английскую армию, поскольку живет в постоянном страхе перед казаками (см.: Станиславский 1990, 84–89). Поляки не напрасно называли Михаила Романова «казачьим ставленником»; по существу Михаил – такой же «казачий царь», как и Ажедмитрии, только утвержденный собором.

Избрание Романова – пик власти окраинных людей в Московии. Однако именно тогда произошла метаморфоза в статусе вольных казаков – присягнув своему избраннику, они вдруг оказались «на государственной службе». Михаил призвал освободителей Москвы показать «первоначальную службу свою и раденье» и обещал пожаловать, «смотря... по службе». В 1613 г. был создан Казачий приказ и московское правительство начало переводить вольных казаков на положение служилых «по прибору», имеющих постоянное жительство, например в Путивле или Осколе. На Дон была послана царская грамота, «преисполненная ласковости и похвал» и призывавшая казаков «стать за царя, отечество и православную веру»; вскоре донцам было передано царское знамя для утверждения «усердия их к России». ⁵

Закат казачьей воли обозначился в судьбе атамана Ивана Заруцкого. Сопратник всех трех «царей Дмитриев», он дошел до Москвы с Ажедмитрием I, служил воеводой Ажедмитрию II, присягнув на верность Ажедмитрию III. По мнению Р. Г. Скрынникова, Заруцкий обладал всеми качествами народного вождя, впечатляя современников красотой, умом и отвагой (1987, 198). Правда, не вполне ясно, вождя какого народа: родился Заруцкий в Галиции, детство провел в турецком рабстве, атаманом стал на Дону, воеводой и боярином – в Московии. В российской историографии ему приписывается шаткость, если не всеядность (из-за его шараханий от Ажедмитрия II к Жолкевскому, затем к Ляпунову, Ажедмитрию III, гетману Ходкевичу). Однако в хаосе Смуты прежней страны не стало, а ее растерянный и рассеянный «народ» терзали разные вожди. Заруцкий возглавлял и олицетворял казачество как боевую и решительную силу Смуты и был последователь-

---

⁵ Сухоруков 1903, 76–82; Станиславский 1990, 8, 19, 91–96.

ным приверженцем казачьей идеи самозванства; верность этой идее и была для него «служением народу». В этом смысле он ответственно исполнил свой долг – взял под опеку (и в постель) вдову двух Лжедмитриев Марину Мнишек и ее грудного сына Ивана (Воренка).⁶ Будучи одним из вождей 1-го ополчения, Заруцкий от лица казачества противостоял земщине (при этом одолел и погубил ее вождя Ляпунова). Во 2-м ополчении он проиграл лидерство кн. Дмитрию Пожарскому, а затем соборное избрание царя, где безуспешно поддерживал Воренка в противовес Михаилу Романову. Впрочем, в те дни никто не знал, что Романову уготована иная доля, нежели у прочих «смутных избранников» (Годунова, Шуйского, Лжедмитриев, Владислава). Теснимый рязанской ратью воеводы Мирона Вельяминова и войском свияжских татар кн. Аклыма Тугушева, атаман отходил, теряя покидавшие его казачьи стаи, на Украину. Скрываясь сначала в Астрахани, затем на Яике, Заруцкий рассчитывал на продолжение казацкой смуты и поддержку ногаев. Однако Москва вернулась к царству, а атаман Заруцкий остался в смуте – летом 1614 г. он был пленен, привезен в Москву и посажен на кол, а Воренок повешен.

Поражение атамана Заруцкого было отступлением казачества, вернее его возвращением на круги своя. После смерти Лжедмитрия III и исчезновения Лжедмитрия IV⁷ самозванство как будто иссякло, вернее, схлынуло вместе с казачеством на окраину, откуда ранее и нахлынуло. В последующие десятилетия самозванцы появлялись уже редко и вне России: в 1630–1640-е гг. Иван Луба и Иван Вергун под именем «царевича Ивана» (сына Лжедмитрия II и Марины Мнишек) объявились в Польше и Турции; за границей же обнаружилось два «сына» Василия Шуйского и так далее (Перри 2010, 72, 85).

***

В мировой истории Россия занимает едва ли не первое место по самозванству. Впрочем, не только Московское царство на рубеже XVI–XVII вв. пострадало от этого; лжекороли и лжецари объявились и на других окраинах Европы – Лжебастианы в Португалии, лжегосподарчики в Молдавии (Свак 2010, 48–49). Однако нигде лавина самозванства не была столь мощной и сокрушительной, как в Московии; и в этом велика роль казаков. Провал центральной власти, посеявший смятение в людях зависимых, людям независимым развязал руки, и

---

⁶ Злые языки поговаривали, что отцом «царевича» был Заруцкий. По другим слухам, атаман лихо сочетал эротику и политику, в трудный момент предложив вдову в гарем ногайского мурзы Яштерека.

⁷ В 1611 г. в Астрахани объявился ещё один «царь Дмитрий», четвертый по счету из лжецарей; он был признан царем в Нижнем Поволжье, но в начале 1612 г. исчез.

казачий анархизм обернулся квазимонархизмом. В политическом кризисе разбойничья вольница всегда превосходит законопослушных граждан силой самоорганизации, пусть и «воровской». В Смуту начала XVII в. казачья экспансия обернулась внутрь страны, и «живая граница» захлестнула столицу.

В политическом смысле большая окраина чревата большой смутой. В деле колонизации окраинные люди иногда проявляют неожиданные амбиции – казаки, недавние изгои, в Смуту ощутили себя вершителями судеб метрополии, а заодно создателями новых царств и покорителями новых пространств. «Живая граница» в это время превратилась в псевдоцарство, плодящее многоцарствие. Казаки выдумывали царей для Московии и играли во власть далеко за ее пределами. Остается только догадываться, за кого выдавали себя казаки в сибирских и яицких юртах. Впрочем, большие завоевания невозможны без больших амбиций, и синдром самозванства стал не только спутником Смуты, но и импульсом экспансии.

Библиография

- Аверин, И. А. 2003. Казачество. В кн. В. А. Александров и др., отв. ред. *Русские*. С. 118–123. М.: Наука.
- Благова, Г. Ф. 1970. Исторические взаимоотношения слов «казак» и «казах». В кн. *Этнонимы*. М.: Наука.
- Головнёв, А. В. 2009. Колонизация в антропологии движения. *Уральский исторический вестник* 2 (23): с. 4–14.
- Горский, А. А. 2005. *Москва и Орда*. М.: Наука.
- Карамзин, Н. М. 2003. *История государства Российского*. Кн. 1–2. СПб.: «Золотой век».
- Карпов, С. П. 2012. Доклад на сессии РАН 18.12.2012.
- Ключевский, В. О. 1988. *Курс русской истории*. Т. 3. М.: Мысль.
- Кляшторный, С. Г., Д. Г. Савинов. 2005. *Степные империи древней Евразии*. СПб.: СПбГУ.
- Любавский, М. К. 1996. *Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века*. М.: Изд-во МГУ.
- Папков, А. И. 2004. *Порубежье Российского царства и украинских земель Речи Посполитой (конец XVI – первая половина XVII века)*. Белгород: «Константа».
- Перри, М. 2010. Самозванцы XVII в. и вопрос о легитимности правящего царя. В кн. *Самозванцы и самозванчество в Московии*. С. 66–88. Будапешт: Russica Pannonicana.
- Платонов, С. Ф. 1910. *Очерки истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время*. СПб.
- Свак, Д. 2010. Несколько методологических и историографических замечаний о «самозванчестве». В кн. *Самозванцы и самозванчество в Московии*. С. 38–65. Будапешт: Russica Pannonicana.

- Скрынников, Р. Г. 1987. *Смута в России в начале XVII ст.: Иван Болотников*. Новосибирск.
- Скрынников, Р. Г. 1997. *История Российская. IX–XVII вв.* М.: Весь мир.
- Соловьев, С. М. 1989. *Сочинения. История России с древнейших времен*. Кн. III. Т. 5–6. М.: Мысль.
- Станиславский, А. Л. 1990. *Гражданская война в России XVII в. Казачество на переломе истории*. М.: Мысль.
- Сухоруков, В. Д. 1903. *Историческое описание земли Войска Донского*. 2-е изд. Новочеркасск: Частная Донская Типография.
- Тюменцев, И. О. 2010. Рождение самозванчества в России в начале XVII века. В кн. *Самозванцы и самозванчество в Московии*. С. 100–130. Будапешт: Russica Pannonicana.
- Чистов, К. В. 1967. *Русские народные социально-утопические легенды XVIII–XIX вв.* М.: Наука.

References

- Averin, I. A. 2003. "Kazachestvo [The Cossacks]." In *Russkie [The Russians]*, 118–123. Moscow: Nauka.
- Blagova, G. F. 1970. "Istoricheskie vzaimootnosheniia slov 'kazak' i 'kazakh' [The Historical Relationship between the Words 'Kazak' and 'Kazakh']." In *Etnonimy [Ethnonyms]*. Moscow: Nauka.
- Chistov, K. V. 1967. *Russkie narodnye sotsial'no-utopicheskie legendy XVIII–XIX vv. [The Russian Folk Social-Utopian Legends in 18th–19th Cent.]*. Moscow: Nauka.
- Golovnev, A. V. 2009. "Kolonizatsiia v antropologii dvizheniia [Colonization in the Anthropology of Movement]." *Ural'skii istoricheskii vestnik* 2 (23): 4–14.
- Gorskii, A. A. 2005. *Moskva i Orda [Moscow and the Horde]*. Moscow: Nauka.
- Karamzin, N. M. 2003. *Istoriia gosudarstva Rossiiskogo [A History of the Russian State]*. Kn. 1–2. Sankt-Petersburg: «Zolotoi vek».
- Karpov, S. P. 2012. Doklad na sessii RAN 18.12.2012 [The Paper Delivered to the Russian Academy of Sciences Session on December 18, 2012].
- KliashTORnyi, S. G., D. G. Savinov. 2005. *Stepnye imperii drevnei Evrazii [The Steppe Empires of Ancient Eurasia]*. Sankt-Petersburg: Sankt-Petersburg State University.
- Kliuchevskii, V. O. 1988. *Kurs russkoi istorii [The Course of Russian History]*. Vol. 3. Moscow: Mysl'.
- Liubavskii, M. K. 1996. *Obzor istorii russkoi kolonizatsii s drevneishikh vremen i do XX veka [An Overview of the Russian Colonization History from the Ancient Times until the Twentieth Century]*. Moscow: The Moscow State University Press.
- Papkov, A. I. 2004. *Porubezh'e Rossiiskogo tsarstva i ukrainskikh zemel' Rechi Pospolitoi (konets XVI – pervaiia polovina XVII veka) [The Borderland of the Russian Tsardom and the Ukrainian Lands of the Polish-Lithuanian Commonwealth from the Late 16th through the First Half of the Seventeenth Cent.]*. Belgorod: «Konstanta».
- Perri, M. 2010. "Samozvantsy XVII v. i vopros o legitimnosti praviashchego tsaria [The Impostors in the Seventeenth Century, and the Question of the Ruling Tsar Legitimacy]." In *Samozvantsy i samozvanchestvo v Moskovii [The Impos-*

- tors and the Impostorship in Moscovia], 66–88. Budapest: Russica Pannonicana.
- Platonov, S. F. 1910. *Ocherki istorii Smuty v Moskovskom gosudarstve XVI–XVII vv. Opyt izucheniiia obshchestvennogo stroia i soslovnykh otnoshenii v Smutnoe vremia* [Essays on History of the Time of Troubles in the Moscow State of 16th–17th Cent. A Study of the Social Structure and of the Estate Relations in the Time of Troubles]. Sankt-Petersburg.
- Skrynnikov, R. G. 1997. *Istoriia Rossiiskaia. IX–XVII vv.* [Russian History. Ninth to Seventeenth Century]. Moscow: Ves' mir.
- Skrynnikov, R. G. 1987. *Smuta v Rossii v nachale XVII st.: Ivan Bolotnikov* [The Time of Troubles in Russia in the Early Seventeenth Century: Ivan Bolotnikov]. Novosibirsk.
- Solov'ev, S. M. 1989. *Sochineniia. Istoriia Rossii s drevneishikh vremen* [The Oeuvre. A History of Russia from the Ancient Times]. Kn. III. Vol. 5–6. Moscow: Mysl'.
- Stanislavskii, A. L. 1990. *Grazhdanskaia voina v Rossii XVII v. Kazachestvo na perelome istorii* [The Civil War in Russia in the Seventeenth Century. The Cossacks at the Turn of History]. Moscow: Mysl'.
- Sukhorukov, V. D. 1903. *Istoricheskoe opisanie zemli Voiska Donskogo* [The Historical Description of the Voisko Donskoe Land]. 2nd edition. Novocherkassk: Chastnaia Donskaia Tipografiia.
- Svak, D. 2010. “Neskol'ko metodologicheskikh i istoriograficheskikh zamechaniia o ‘samozvanchestve’ [A Few Methodological and Historiographical Notes on the ‘Impostorship’].” In *Samozvantsy i samozvanchestvo v Moskovii* [The Impostors and the Impostorship in Moscovia], 38–65. Budapest: Russica Pannonicana.
- Tiumentsev, I. O. 2010. “Rozhdenie samozvanchestva v Rossii v nachale XVII veka [The Birth of Impostorship in Russia in the Early Seventeenth Century].” In *Samozvantsy i samozvanchestvo v Moskovii* [The Impostors and the Impostorship in Moscovia], 100–130. Budapest: Russica Pannonicana.